

НОЧЬ В НОМЕРЕ 103

Алиса Аве

фэнтези

МИОО

Пролог

— Эй, сюда! Сюда, усталый путник! Дороге нет конца, а дело идет ко сну. Загляни к нам, покой ногам дай!

Желтое око тётин^{*} вглядывалось в ночь. На небе показалась луна, но тут же скромно спряталась за ширму облаков. Фонарь выхватывал из мрака большие деревянные ворота, широкую тропу и молодого зазывалу. Юноша держал тётин высоко над головой и кричал в окружавшую его темноту:

— Господин, у нас познаешь земное блаженство! Покой для тех, кому небо не по карману. Хорошие комнаты, обилие еды, мимо не проходи! Вино слаще меда, чай душистый и горячий.

^{*} Тётин — складной бумажный фонарь. У него цилиндрический абажур на бамбуковой спирали, а наверху есть ручка. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

Вместо господина, что в воображении зазывалы приближался к воротам, отяжеленный мешками с золотом, уставший и ищущий, где бы преклонить голову, к тропе спускался туман. Его седые клочья покрыли склоны гор, у подножия которых волей богов бил горячий источник. И стоял у целебных вод небольшой рёкан*, предлагавший благодатную негу онсэнов** и спокойный сон.

— Эй, заночуй у нас! — не унимался зазывала.

Он обрядился в кимоно деда и гэта*** не по размеру двенадцатилетнему мальчике. Черные волосы собрал в пучок на макушке, чтобы показать — еще немного, и он действительно станет взрослым, осталось дожидаться совершеннолетия и состричь длинные локоны. Ему впервые поручили встречать ночных гостей. Фонарь подпрыгивал от нетерпения юного

* Гостиница в традиционном японском стиле. Слово «рёкан» записывается двумя символами, которые переводятся как «путешествие» + «здание», получается «дом путника».

** Онсэн — горячий источник. Слово «онсэн» состоит из двух иероглифов: первый означает «теплый, горячий», второй — «источник, ключ, родник».

*** Деревянные сандалии. Небольшая доска под размер ступни, снизу к ней крепятся два бруска для устойчивости. Бывают разной высоты.

привратника, которому доверили важное дело. Его не пугал туман — с сентября по май пелена окутывала горы и смешивалась с паром купален.

— Целебный пар впитай про запас! Окупись, исцелись и дальше в путь пусть! Господин, путь далек, зайди на огонек!

— Что ты кричишь в ночь? — одновременно заскрипели ворота и стариковский голос, перебивая залиvistые трели мальчишки. — Постояльцев разбудишь. Сегодня никто уже не придет, время позднее. Всех не заманишь.

— Погоди, дедушка, — попросил юноша, не оборачиваясь.

Дед был вездесущим, как туман. И днем и ночью выстукивал он палкой, на которую опирался при ходьбе, свой неровный шаг — проверял дела рёкана.

— Не просто так надрываюсь. Вижу свет фонаря. Жди гостя, готовь место.

Старик подошел к внуку, сощурил подслеповатые глаза, взгляделся в черноту ночного леса. Туман, густо-серый с синим оттенком, полз к воротам, постепенно заполняя лес, скрадывая стволы деревьев и дорогу к рёкану, но вдалеке бледнел, изгоняемый неясным светом.

— И вправду, будто бы свет.

Старик потерял глаза и представил гостя на телеге, груженной десятком мешков с золотом. Но смутная тревога легла на его лицо таким же туманом, что подкрадывался к ногам.

— Ты бы шел спать, — сказал он. — Я сам тут управлюсь.

— О, нет, я не устал! — возразил мальчик.

— Может статься, к нам пожалуют особые гости.

— Бабушка предупредила, — заторопился мальчик. — Спросила, готов ли я. Конечно-конечно, оками-сан*, ответил я. Она согласилась. Ты же не злишься, что я надел твои гэта, дедушка? В них я кажусь выше!

Старик несколько раз кивнул. Фонарь подскочил к небу.

— Эй, путник! Верно, ног под собой не чувствуешь? Остановись, у нас заночуешь! — завел мальчик радостную песню.

«Какой внучок у нас! — подумал дед, запахивая полы юкаты** — Такому не страшно дела передать. Традиции чтит, землю родную любит. Голос громкий, глаз зоркий. Но все же тревожно: в неурочный час вызвался внук у ворот стоять».

* Хозяйка рёкана.

** Юката — летнее повседневное кимоно без подкладки.

Свет приближался. Сомнения развеялись, к ним спешил постоялец. Густеющий туман отступил перед сиянием, к воротам подошел не человек, а скала.

— Это демон! — воскликнул мальчик.

— Нет. — Старик поспешно задвинул его за спину и склонился перед гостем с глубоким почтением.

— Господин.

Мальчик попытался разглядеть могучего человека. Дед склонился еще ниже, не поднимая на гостя взгляда. Самурай возвышался над ним, облаченный в тяжелые доспехи. Козырек шлема отбрасывал тень, маска скрывала лицо, рукоять тати поблескивала на поясе, отражая свет тётина. Фонаря при нем не было.

— Мы рады видеть вас, господин. — Старик откашлялся, чтобы голос звучал как можно приятнее.

Самурай поднял руку в предупредительном жесте. Пропустил вперед тонкую фигуру, завернутую в белый шелк. Она соткалась из окружившего ворота тумана, сияла, окутанная дымкой с головы до ног. Старик еще ниже согнул спину, украдкой показывая внуку на землю. Мальчик распластался в поклоне у ног гостя.

— Мои покои свободны? — Голос из-под скрывающей лицо вуали напоминал потрескивание поленьев в костре. — Я так устала.

— Кто осмелится занять ваше место, Госпожа? — зачастил старик. — Мы всегда ждем вас, ваш приход — счастье для нас. — Он незаметно толкнул внука.

Юноша подскочил и, не поднимая головы, открыл ворота.

— Давно не навещала вас. — Госпожа прошла вперед. Она не снимала накидки. Шелк ее одеяний нес туман за собой, тропа за воротами затянулась молочной завесой. — Всего год прошел, а кажется, что вечность.

Госпожа знала, куда идти. Старик отправился за ней — убедиться, все ли по вкусу дорогой гостье.

— Ступай спать, юноша. — Голос самурая был подобен раскатам грома. Самурай встал у ворот рёкана. — Покуда Госпожа навещает вас, я на страже.

— Не захочет ли Госпожа чего? — осмелился спросить юноша, глядя на удаляющуюся фигуру женщины. — Я тотчас принесу.

— О Госпоже есть кому заботиться. — Самурай положил огромную ладонь на рукоять меча. — Отчего ты встречаешь нас вместе с дедом? Как поживает твоя бабушка? Здорова ли?

Юноша промолчал. Самурай терпеливо ждал.

— Время считает лучше нас, — заговорил он, когда ответа не последовало, — И всегда знает нужный срок. Отправляйся спать и ни о чем не тревожься.

Мальчик оставил сложенный тётин. Ему больше не хотелось петь, слова застряли в горле. Они боялись вырваться наружу и разбиться о самурая, вставшего у ворот непоколебимой горой. Юноша даже не смог пожелать воину доброй ночи и почти пожалел, что обрядился во взрослое кимоно. Бабушка не говорила, что ночные гости бывают такие страшные. «Хорошо, что я встречал их, а не младший братец. Он бы точно испугался!» — подумал он и побежал в крохотную комнатку возле кухни, где спали мать и младший брат, не знавший ничего о прибытии Госпожи и самурая.

Туман накрыл спящий рёкан, смешался с дыханием горячих источников. Проник в дрему постояльцев, в чуткий сон слуг. Старый хозяин постоялого двора стучал палкой, спускаясь по ступеням.

В номере на третьем этаже Госпожа снимала шелка.

